

М.М. Стасюлевич

**Опыт исторического обзора
главных систем философии
истории**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М.М. Стасюлевич**
Опыт исторического обзора главных систем философии истории / М.М. Стасюлевич – М.: Книга по Требованию, 2014. – 522 с.

ISBN 978-5-458-02046-6

Опыт исторического обзора главных систем философии истории

ISBN 978-5-458-02046-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

управленіи мы часто можемъ очутиться въ положеніи чело-вѣка, который не разъ видалъ локомотивъ, еще чаще поль-зовался имъ, и которому предложили бы вдругъ вступить на машину и начать маневрировать ею. Но при всей огра-ниченности нашихъ познаній по этому предмету, тѣмъ не менѣе эти познанія и въ своей ограниченности служатъ до-казательствомъ возможности и необходимости историческаго изслѣдованія вопросовъ о механизмѣ исторіи чело-вѣчества; и по той же причинѣ можно сказать, что философія исто-ріи не включаетъ въ себѣ ничего такого, что предвари-тельно уже не занимало чело-вѣческаго духа и рѣшалось болѣе или менѣе основательно, но всегда отрывочно и по отношенію къ извѣстному данному факту.

Впрочемъ то же самое можно замѣтить вообще о всѣхъ наукахъ: какъ бы ни было высоко ихъ настоящее разви-тіе, но зачатки наукъ лежатъ въ самомъ духѣ чело-вѣка, и научныя истины, хотя и въ грубой формѣ, встрѣчаются рано разсѣянными по жизни; такъ называемая «житейская опытность», или «поэтическая мудрость», какъ ее назы-ваетъ Вико, является всегда началомъ всѣхъ наукъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается причина тѣсной связи науки съ жизнью; наука имѣетъ въ жизни свои отдален-ные корни, хотя въ то же время нерѣдко вступаетъ въ пол-ный разрывъ съ нею: измѣнчивость, чрезмѣрная подвиж-ность, непрерывныя противорѣчія житейской опытности— послѣдствія случайности ея выводовъ — вызвали чело-вѣка давно въ открытію законовъ всего существующаго болѣе общихъ и менѣе измѣнчивыхъ, если нельзя дойти до все-

объемлющихъ и вѣчныхъ законовъ; и на этомъ пути, науки иногда подтверждали на болѣе широкихъ и разумныхъ основаніяхъ наблюденія житейской опытности, а иногда вступали съ ними въ противорѣчіе и опровергали ихъ. Съ этой точки зрѣнія, философія исторіи можетъ быть разсматриваема вмѣстѣ какъ одна изъ древнѣйшихъ наукъ, и въ то же время какъ самая молодая. Ея исторія древна, потому что человѣкъ давно уже созналъ необходимость подвести подъ общіе законы разнообразіе случайныхъ событій; и она весьма молода, ибо не далѣе какъ въ началѣ прошедшаго столѣтія была сдѣлана первая строгая попытка къ методическому рѣшенію подобной задачи, и только въ концѣ XVIII вѣка явилось новѣйшее имя этой науки на сочиненіи Гердера, вышедшемъ въ Ригѣ, 1784 года.

Въ своемъ опытѣ историческаго изложенія развитія идей философіи исторіи, мы были бы подавлены множествомъ матеріаловъ, если бы не ограничили своей задачи болѣе узкими предѣлами. Прослѣдить судьбу идей философіи исторіи во всѣхъ проявленіяхъ человѣческаго духа, начиная даже съ пословицъ, пѣсенъ, легендъ, и восходя такимъ образомъ до волоссальныхъ религіозныхъ и философскихъ системъ, поднимавшихъ и рѣшавшихъ по-своему важные вопросы о назначеніи жизни человѣчества, о періодичности ея развитія и т. д. — все это составляетъ задачу, которая далеко превысила бы наши силы. Вотъ, потому мы ограничились, въ своемъ историческомъ изложеніи философіи исторіи, только тѣми главными системами, которыя имѣли самое широкое и далекое вліяніе на судьбу исторической мысли въ ту или

другую эпоху, и въ то же время представляли между собою нѣкоторую связь, передавая свою задачу изъ рукъ одного поколѣнія въ руки другого.

Самая задача философіи исторіи, какъ мы замѣтили выше, была признана гораздо прежде нежели явилось въ свѣтъ самое названіе науки; и даже Вико, котораго считаютъ отцомъ философіи исторіи, назвалъ свой знаменитый трудъ «*Новою наукою*»; вслѣдствіе того мы также въ своемъ историческомъ обзорѣ обращались и въ такимъ произведеніямъ, которыя, хотя и подъ другими заглавіями, но занимались рѣшеніемъ тѣхъ же задачъ; особенно важны въ этомъ отношеніи различныя «Теодицеи» — терминъ, который можно сказать предшествовалъ и во многихъ случаяхъ замѣнялъ новѣйшее названіе нашего предмета, какъ философіи исторіи. Впрочемъ, даже и въ наше время, Гегель, включая свой курсъ по этому предмету, выразилъ ту мысль, что, собственно говоря, «сама всемірная исторія есть истинная Теодицея, оправданіе божества въ исторіи» *).

Другія школы философіи исторіи выражаютъ, можетъ быть, иначе, но ту же самую идею, или, лучше сказать, онѣ опредѣляютъ задачу философіи исторіи, обращая преимущественное вниманіе на другое дѣйствующее лице въ судьбахъ міра, а именно на человѣка, и потому дѣлаютъ изъ философіи исторіи «Антроподицею». Всѣ могутъ быть согласны однако въ одномъ, что человѣческіе порядки, какъ

---

*) Die Weltgeschichte ist die wahrhafte Theodicee, die Rechtfertigung Gottes in der Geschichte. *Hegel's Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte*. Herausg. v. Ed. Gans. Berlin, 1848. 3-е изд. 547 стр.

выразился одинъ изъ древнихъ юристовъ, *созидаются rebus dictantibus*, подъ диктовку вещей, а слѣдовательно, внимательное изученіе этихъ «вещей» должно служить главнымъ путемъ къ познанію того, что устраивается подъ ихъ диктовку.

Болѣе близкое опредѣленіе задачи нашей науки и указаніе порядка, котораго мы намѣремы держаться въ развитіи избраннаго нами предмета, помѣщены въ послѣдующемъ за симъ введеніи къ нашему опыту.

М. С.

Трувилль, 11/20 сентября 1865.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ автора	Стр. V
Введеніе	3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Теорія вѣчнаго историческаго круговращенія.

ГЛАВА I. Предпостепенники Вильо	39
ГЛАВА II. Вильо и его «Новая Наука»	52

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Теорія вѣчнаго историческаго прогресса.

ГЛАВА I. Древейшій ея періодъ	151
ГЛАВА II. Физиологическая школа	162
ГЛАВА III. Метафизическая школа:	
§ 1. Ея двойное направленіе	254
§ 2. Сенсуалисты	257
§ 3. Идеалисты	308

ВВЕДЕНИЕ.

Малебраншъ, во время утреннихъ прогулокъ, имѣлъ обычай заходить иногда къ своему другу Дагессо, тогда еще молодому человѣку, который въ послѣдствіи сдѣлался извѣстнымъ административнымъ дѣятелемъ Франціи прошедшаго столѣтія, въ званіи канцлера. Философъ засталъ однажды юношу за чтеніемъ Оукидида, и, не скрывая своего неудовольствія, обратился къ нему съ упреками за то, что онъ теряетъ свое время на чтеніе описаній случайныхъ событій, которыя могли бы случиться и не случиться, вмѣсто того, чтобы предаться размышленіямъ вообще о судьбахъ человѣка на землѣ и о его послѣднемъ назначеніи.

Въ этомъ упрекѣ Малебранша скрывается самое первое и простое опредѣленіе философіи исторіи, разсматриваемой въ ея противоположности съ фактической исторіею. Конечно нельзя остановиться на такомъ опредѣленіи, какъ нельзя съ другой стороны допустить того, чтобы кто нибудь могъ приступать прямо къ размышленіямъ объ общихъ судьбахъ чело-вѣчества и его послѣднемъ назначеніи, не изучивъ глу-

боко совершившихся фактовъ; но, дѣйствительно, совершившійся фактъ очень часто является случайностью, или бываетъ объясняемъ съ такимъ трудомъ и съ такими противорѣчїями, что мы выигрываемъ не много, думая выводить его изъ области случая; а потому всегда останется необходимою наука, которая взяла бы на себя рѣшить, во-первыхъ, вопросъ: *существуютъ ли положительные и неизмѣнные законы историческаго развитїя человѣческихъ обществъ?* и, если существуютъ, то, во-вторыхъ: *каковы эти законы?*

Но прежде нежели совершится какой нибудь историческій фактъ, онъ испытываетъ на себѣ два процесса: исторїю, такъ сказать, дѣлаетъ не только жизнь и дѣятельность людей, но и мыслящая способность писателя, который приводитъ въ сознаніе совершившееся и облачаетъ его въ форму мысли и слова. Такъ называемая достопримѣчательность факта лежитъ не только въ немъ самомъ, а еще болѣе въ томъ, что онъ успѣлъ сдѣлаться предметомъ человѣческаго познанїя, что онъ, такъ сказать, прошелъ чрезъ голову мыслившаго человѣка, и въ ея способности познавать нашелъ себѣ новое и вѣчное существованіе. Какое значеніе имѣла бы осада Трои, еслибы она осталась безъ такого великаго историка-поэта, какимъ былъ Гомеръ? Мы могли бы найти и безъ Гомера, въ какой нибудь хроникѣ, годъ троянскаго похода, имена участвовавшихъ лицъ, число убитыхъ, и т. п.; но безъ Гомера осада Трои лишилась бы своего внутренняго